

Категория ментальности как основа анализа феномена культурных констант и их трансформаций

О.А. Долженко^а, Н.М. Печенкин^{а,б}

^а Луганский государственный университет имени Владимира Даля, Луганск, Россия

^б Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена анализу многообразия типов культур в жизни современного человека и роли полиментального характера общества в этом процессе. Автор рассматривает феномен менталитета, его связь с историей, культурой и социумом, а также особенности русской ментальности и ее историческую роль. В статье рассматриваются особенности современного мира, которые обуславливают активное взаимодействие различных менталитетов: радикальная трансформация биполярного мира, доминирование идеологических, мировоззренческих, экономических и административных систем, а также рефлексия проблемы полиментального характера социума. **Цель** статьи – анализ феномена менталитета, его связи с историей, культурой и социумом, а также описание характера ментальности конкретной исторической общности, русской ментальности, ее исторической роли и миссии в общемировом поле взаимодействия различных культурных практик. **Результаты.** Автор рассматривает работы представителей французской исторической школы «Анналов», историков культуры, науки и искусства, а также труды российских философов и культурологов, посвященные описанию русской ментальности. Особое внимание уделяется вкладу Н.О. Лосского, Н.А. Бердяева, В.П. Воронцова и других ученых в традицию осмысления русской ментальности. **Выводы.** Статья подчеркивает актуальность осмысления уроков столкновения различных менталитетов и картин мира в современном мире. Автор призывает к более глубокому пониманию специфики русской ментальности и ее роли в исторической судьбе России и Российской государственности. Это может способствовать укреплению межкультурного диалога и сотрудничества между различными странами и народами.

Ключевые слова: культура; константы; ментальность; менталитет; идентичность; человек; народ; «душа народа»; ценности; традиции; установки; социокультурные изменения; метод; подход

Для цитирования: Долженко О.А., Печенкин Н.М. Категория ментальности как основа анализа феномена культурных констант и их трансформаций. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(6):54-62. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-54-62

ORIGINAL PAPER

The Category of Mentality as a Basis for Analyzing the Phenomenon of Cultural Constants and Their Transformations

O.A. Dolzhenko^a, N.M. Pechenkin^{a,b}

^a Lugansk State University named after Vladimir Dahl, Lugansk, Russia

^b Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

Introduction. The article is devoted to the analysis of the diversity of types of cultures in the life of modern man and the role of the polymental nature of society in this process. The author examines the phenomenon of mentality, its connection with history, culture and society, as well as the peculiarities of the Russian mentality and its historical role. The article examines the features of the modern world that determine the active interaction of various mentalities: the radical transformation of the bipolar world, the dominance of ideological, economic and administrative systems, as well as the reflection of the problem of the polymental nature of society. **The purpose** of the article is to analyze the phenomenon of mentality, its connection with history, culture and society, as well as to describe the nature of the mentality of a particular historical

community, the Russian mentality, its historical role and mission in the global field of interaction of various cultural practices. **Results.** The author examines the works of representatives of the French historical school “Annales”, historians of culture, science and art, as well as the works of Russian philosophers and cultural scientists devoted to the description of the Russian mentality. Special attention is paid to the contribution of N.O. Lossky, N.A. Berdyaev, V.P. Vorontsov and other scientists to the tradition of understanding the Russian mentality. **Conclusions.** The article highlights the relevance of understanding the lessons of the clash of different mentalities and worldviews in the modern world. The author calls for a deeper understanding of the specifics of the Russian mentality and its role in the historical fate of Russia and Russian statehood. This can help strengthen intercultural dialogue and cooperation between different countries and peoples.

Keywords: culture; constants; mentality; identity; person; people; “soul of the people”; values; traditions; attitudes; sociocultural changes; method; approach

For citation: Dolzhenko O.A., Pechenkin N.M. The category of mentality as a basis for analyzing the phenomenon of cultural constants and their transformations. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(6):54-62. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-54-62

ВВЕДЕНИЕ

Многообразие типов культур в жизни современного человека выступает в роли комплексного, многоуровневого организма и реализует всю сложную, многоступенчатую иерархию проблем, запросов, форм человеческого существования, соответствует определенным социальным, профессиональным, интеллектуальным знаниям. Эта множественность культурных идентичностей составляет одну из основных характеристик современного состояния человеческого общества, обуславливающую фундаментальную роль процессов как межкультурного диалога и их научного познания, так и диалога внутрикультурного. Последний, в случае сохранения основных культурных констант, ведет только к укреплению и жизненной значимости указанного принципа.

Другой особенностью современного мира, которая обуславливает активное и подчас неконтролируемое взаимодействие различных менталитетов, является радикальная трансформация биполярного мира, его идеологических, мировоззренческих, экономических, административных систем и констант, доминирование которых определяет значительный пласт исторических, политических, социокультурных процессов XIX и XX вв. Формы когнитивного, ценностного, поведенческого, эмоционально-психического существования, органически существовавшие в условиях этих систем, ставшие, таким образом, частью сформировавшихся под их влиянием ментальных идентичностей, в условиях современного мира также соприсутствуют в рамках психики, сознания и практики современного индивида и различных человеческих общностей, что также является прямым выражением феномена трансформаций культурных констант.

Рефлексия проблемы полиментального характера современного социума аккумулирует

исследовательское внимание прежде всего вокруг самого определения феномена менталитета. В силу этого здесь целесообразно остановиться на его сущности, характеристиках, а также том специфическом пути, который понятие ментальности проходит в процессе своей легитимизации в пространстве дискурса о человеке, истории, социуме и культуре.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

В современной российской науке реальность менталитета является предметом глубокого комплексного анализа, в рамках которого раскрывается его связь с процессами истории национально-этнических культур, соответствующих образов мировоззрения и систем ценностей [1, с. 33–36]. Об актуальности осмысления уроков столкновения различных менталитетов, картин мира, направлений и целей коллективных практических действий, иерархий ценностей пишет в своем предисловии к учебному пособию «Феномен нации и национально-психологические проблемы в социологии русского зарубежья» профессор В.Г. Харчева: «Исторический опыт реформ и революций XIX–XX веков дает основания предполагать, что становление и развитие у нас гражданского общества и в дальнейшем будут идти трудно, вновь и вновь наталкиваться на одни и те же препятствия, пока не получит рационального оформления и не приобретет всеобщего признания комплекс воззрений, выражающих существенно общее в сознании, характере, культуре, психологии, морали, вере, интересах, поведении и устремлениях людей, считающих себя — и в действительности являющихся — россиянами»¹. Эти

¹ Болотоков В.Х., Кумыков А.М. Феномен нации и национально-психологические проблемы в социологии русского зарубежья: учебное пособие для вузов. Москва: Логос; 1998:4.

слова были написаны в 1998 году, но остаются актуальными и сегодня.

Образцами раскрытия на конкретном историческом и текстовом материале содержания менталитетов, присущих различным историческим эпохам и социальным слоям, служат работы представителей французской исторической школы «Анналов»: М. Блока, Ф. Броделя, Ж. Дюби, Ж. Ле Гоффа, Р. Мандру и др., а также исследования историков культуры, науки, искусства Ж.-П. Вернана, Э. Панофски, П. Франкастеля, Й. Хейзинги и др. В отношении роли представителей европейской исторической науки XX в. в ходе разработки понятия и содержания ментальности здесь заслуженно высокую оценку получили идеи М. Блока и Л. Февра. Интерес представляют попытки определить сущность ментальности и менталитета представителей различных эпох, чему посвящены работы М.М. Бахтина, Л.М. Боткина, А.Я. Гуревича, П.С. Гуревича, В.Е. Семенова и др. Описанию характера ментальности конкретной исторической общности, прежде всего специфики русской ментальности, вопросу ее исторической роли и миссии в общемировом поле взаимодействия различных культурных практик посвящены труды Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Б.П. Вышеславцева, Н.Я. Данилевского, И.Е. Забелина, И.А. Ильина, Л.П. Карсавина, В.В. Кожина, Н.О. Лосского, С.В. Максимова, И.П. Сахарова, П.А. Сорокина, Г.П. Федотова, А.С. Хомякова, П.Я. Чаадаева и др. Лейтмотив осмысления русской ментальной специфики проходит через художественное наследие большинства представителей российской художественной литературы от М.В. Ломоносова до многих современников. В истории дореволюционной российской философской и культурологической мысли наиболее полно и плодотворно этот лейтмотив воплощен в трактате Н.О. Лосского «Характер русского народа» [2], итоговой работе Н.А. Бердяева «Русская идея» [3], а также исследовании В.П. Воронцова «Наши направления» и «От семидесятих годов к девяностым» [4]. Характеризуя вклад русских ученых-философов начала XX в. в традицию осмысления русской ментальности, В.Х. Болотоков и А.М. Кумыков в предисловии к учебному пособию, посвященному вопросам философского осмысления феномена национальности и его роли в исторической судьбе России и Российской государственности, писали: «Фактически именно они первыми в истории отечественной

мысли дали развернутое, основательное в теоретическом отношении прочтение русской идеи, вышедшее за пределы тех взглядов, которые сложились в рамках полемики западников и славянофилов, и ориентированное на целостное философско-социологическое, культурно-историческое и нравственно-религиозное осмысление уникального феномена российской межэтнической общности»².

Плодотворная традиция осмысления феномена ментальности успешно продолжилась в отечественной науке XX и первой четверти XXI в. Проблемы ментальности рассматривались современными российскими политологами и культурологами: Д.Е. Валитовым, И.В. Герасимовым, Г.Д. Гачевым, Д.Е. Куликовым, М.А. Мамоновой, А.С. Панариным, Л.Н. Пушкаревым, М.В. Ремизовым, М. Рожанским, Т.Н. Сергейцевым, психологами: И.Г. Дубовым, Г.В. Леонидовой, О.Г. Усенко, К.А. Устиновой, А.А. Шабуновой, В.А. Шкуратовым. Особенно выделим попытку комплексного построения содержания феномена ментальности и анализа его связи с эмоциональной, психической и социальной реальностью [5], а капитальный обобщающий труд С.Д. Баранова и Д.В. Конова «Русская нация. Современный портрет», в котором раскрывается целая череда вопросов, связанных с генезисом русского менталитета, его идентичности, его связи и отличий в отношении менталитетов этносов, пограничных в территориальном смысле, родственных, отделившихся от единого с русским этническим началом корня, либо вошедших в единую с русским систему исторических и социокультурных условий [6].

Среди зарубежных исследований XIX в. в области гуманитарного знания, близких к анализу феномена ментальности, стоит отметить, на наш взгляд, работы о «душе народа» в немецкой психологии. В источниках по этой проблеме приводятся не только эмпирические данные, но и разработанные понятийные основания ее рассмотрения: этнологический, филологический и философский векторы, что в целом составляют многогранную традицию, представленную многими именами и трудами. В области теории и истории фольклора, этноса, этнической культуры, а также философии культуры исследование

² Болотоков В.Х., Кумыков А.М. Феномен нации и национально-психологические проблемы в социологии русского зарубежья: учебное пособие для вузов. Москва: Логос; 1998:7.

«души народа» опирается на работы Я. и В. Гриммов, а также В. фон Гумбольдта. В области философской рефлексии несомненную роль базиса для рассмотрения и осмысления своего коллективного бытия играет философия истории Гегеля, его учение о «народном духе» (Volksgeist). Комментируя значение гегелевской философии народного духа в отношении ее терминологических особенностей, определяя, в частности, его отличие от понятия «души народа», как имеющего более широкое употребление, В. Вундт справедливо указывает: «Гегель не без намерения употреблял в применении к человеческому обществу общее слово «дух», которое заставляет нас отвлечься мысленно от телесной основы душевной жизни. Чем больший круг охватывает духовная жизнь, тем более ее идеальное содержание возвышается по своей ценности и непреходящему значению над неизбежным материальным субстратом жизненных процессов» [7, с. 49]. Наконец, третьим представителем данной традиции является немецкая филология и философия языка в работах М. Лацаруса, Г. Штайнтала и Г. Пауля.

Традиция исследования коллективной этнической психологии, в которой коллективная эмоционально-психологическая реальность обозначена как «душа народа» (Volksseele), наиболее содержательно и системно выражена в трудах В. Вундта: «Уже с давнего времени объекты ее, — пишет ученый, — культурное состояние, языки, нравы, религиозные представления»; «остаются, в конце концов, три большие области, требующие, по-видимому, специального психологического исследования, — три области, которые — в виду того, что их содержание превышает объем индивидуального сознания — в то же время обнимают три основные проблемы психологии народов: язык, мифы и обычаи» [7, с. 49].

Метод Вундта представляет собой анализ индивидуального сознания с помощью экспериментально контролируемого наблюдения субъекта за собственными ощущениями, чувствами, представлениями; изучение «психологии народов», т.е. психологических аспектов культуры — языка, мифа, нравов различных народов и т.п. Согласно методу Вундта, человек способен проводить такие наблюдения, воспользовавшись методом интроспекции — проверки состояния собственного мышления. Эти положения, по сути, являются важнейшей методологией для исследования менталитета и ментальности.

Основной вопрос обоснования и исследования «народной души», который ставила перед собой немецкая психология в лице Вундта, представлял собой переход от реальности эмоционально-психических процессов индивида — к реальности их коллективной природы, что также можно расценивать как крупный шаг в направлении изучения ментальности. «Для эмпирической психологии душа — не что иное, как непосредственная связь психологических явлений», — так формулирует аксиоматичность этой связи Н. Самсонов, автор перевода работы Вундта «Проблемы психологии народов». На смену ей должно прийти исследование, которое будет основываться на теоретических и эмпирических данных. Оно должно учитывать взаимосвязь между эмоциональным и психологическим состоянием группы людей. Это исследование должно быть устойчивым по отношению к индивидуальным различиям и учитывать «живые» эмоциональные и психологические идентичности. Кроме того, оно должно быть обобщающим и охватывать определённый временной период в прошлом и будущем.

К проблеме эмоционально-психической идентичности, присущей определенной этнической группе, говоря языком той эпохи, к проблеме «души народа» обращается французская философская, психологическая и культурологическая мысль, прежде всего, в лице Густава Лебона, получившего наиболее широкую известность в данной области научного знания. Согласно Лебону «...люди каждой расы обладают, несмотря на различие их социального положения, неразрушимым запасом идей, традиций, чувств, способов мышления, составляющих бессознательное наследство от их предков, против которого всякие аргументы бессильны» [9, с. 11]. Идея «неразрушимости запасов традиций, чувств и способов мышления» оказалась весьма продуктивной для постепенного созревания представлений о менталитете народа.

КОНЦЕПЦИЯ МЕНТАЛЬНОСТИ В ТРУДАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ШКОЛЫ «АННАЛОВ»

Основополагающей для нашего исследования является точка зрения, согласно которой ментальность выражает не только индивидуальные установки каждого из отдельно взятых индивидов, но и внеличностную сторону общественного сознания, имплицитированную в языке и других знаковых системах, в обычаях, традициях и верованиях.

Переходя к проблеме «прямой» социокультурной интерпретации, отметим, что под ментальностью³ уже понимается совокупность социально-психологических установок, автоматизмов и привычек сознания, формирующих способы видения мира и представления людей, принадлежащих к той или иной социально-культурной общности. Следуя данной тенденции, заложенной в самом характере термина, отметим, что в современном понимании в термин «менталитет» все чаще включаются элементы мировоззренческого характера, отражающие осознанное отношение человека или групп людей разной степени общности к природным и общественным явлениям [8, с. 112].

С точки зрения социальной философии истории существенное значение для определения содержания понятия «ментальности» имеют труды французской исторической школы «Анналов». М. Блоком, Л. Февром и другими представителями первого поколения этой школы была предпринята попытка преодолеть «цеховую» обособленность исторической науки от социологии, психологии, географии, истории становления различных менталитетов и т.д. В их работах происходит определенная переориентация исторической науки на науку о конкретной специфике существования человека в различные эпохи его истории. Антропологический поворот, осуществленный школой «Анналов», привлек внимание исследователей к глубине коллективного бессознательного. Они стали изучать неявные и неосознанные «манеры мыслить» и умственные образы, которые свойственны определенной эпохе или социальной группе. Благодаря этому ментальности были раскрыты в своей мировоззренческой сути как способы ориентации в социальном и природном мире.

В работах представителей школы «Анналов» особенно ценным в отношении проблематики менталитета является также обоснование ими возможностей человеческого сознания воспринимать и осваивать мир в тех пределах и ракурсах, которые даны ему культурой и эпохой. Разработка вопросов о том «мыслительном инструментарии», который в определенную эпоху находится в распоряжении человека и общества, обусловлен конкретными историческими особенностями эпохи и унаследован от предшествующего време-

ни. М. Блоком и Л. Февром в 1929 г. в отношении анализа истории европейского Средневековья и Ренессанса было применено понятие «ментальность», которое до этого в пределах традиции исторической мысли употреблялось этнологами лишь в отношении первобытных народов, а также понятие «умственное оснащение», или «духовная вооруженность» (*outillage mental*), при помощи которого представлялось возможным исследование особенностей сознания человека в ту или иную эпоху. В этой связи представители школы «Анналов», собственно, и способствовали утверждению понятия «*mentalité*» в научном лексиконе.

В работах французских историков идея и теория ментальности вытекает из исследования двух противостоящих культур: «ученой и фольклорной». Рассматривая проблемы массового сознания и народной культуры, в научный оборот введены факты, характеризующие особенности духовной жизни простых людей, уровень их образованности, язык, знание окружающей природы, многообразные направления социальной активности.

При этом понятие «народная культура» интерпретируется как система разделяемых абсолютным большинством общества понятий, представлений, ценностей, верований, символов, ритуалов. В то же время, этой системе присуща и собственная дифференциация, она обладает множеством региональных вариантов и различий в соответствии с социальным статусом, профессиональным занятием, общим образовательным уровнем ее носителей. Так был сформулирован методологический принцип анализа ментальности через более всестороннее изучение культуры всех времен и народов.

Представители школы «Анналов» опираются на антропологический подход к изучению истории. Не случайно направление исторического исследования, которое развивает Ле Гофф, он именует «исторической антропологией» или «антропологически ориентированной историей». Важнейшим постулатом исторической антропологии является принцип изучения человека во всем многообразии его проявлений. Отсюда и потребность в «тотальной истории», выдвигаемой в качестве противовеса и компенсации — расчленению исторического объекта и возникновению множества специализированных отраслей исследования.

³ Ментальность — от лат. *mens, mentis* — ум, мышление, рассудительность, образ мыслей, душевный склад.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ МЕНТАЛЬНОСТИ

Историческая антропология должна была бы идеально соответствовать методологическим требованиям изучения культуры, понимаемой в самом широком контексте как процессуальность и результат смыслополагания человека. Однако, декларируя «тотальность» истории, «новые истории» остались совершенно индифферентными к тому, что не было вписано в бессознательный пласт народной жизни. Недостаточно использовать лишь социологические методы изучения ментальных характеристик индивидов и человеческих сообществ, так как социологические срезы — это констатация уже сложившегося менталитета, но они не дают возможности определить закономерности его становления, а именно здесь формируется сущность менталитета.

С точки зрения исторической науки, отвергающей парадигму сугубо фактологического описания исторических событий и выдвигающей на передний план историю развития ментальности как в своем индивидуальном, так и общественном приложении, наиболее полное представление о содержании понятия «менталитет» содержат работы советского историка и продолжателя традиции, заложенной французской исторической школой, А.Я. Гуревича. Не разделяя точку зрения Л. Февра о возможности представления истории ментальностей как истории коллективных эмоциональных состояний, А.Я. Гуревич более близок к социогенной теории происхождения сознания, включается в методологию, обоснованную Л. Февром, и опирается на «гуманитарно-текстологическую интерпретацию и социальный анализ коллективных структур» [10, с. 110]. Ментальность формируется в качестве матрицы, образуемой такими системами координат, как культура, традиции, язык, образ жизни и религиозность. Описывая компоненты, структуру и функции ментальности, показывая гибкость данного понятия, Гуревич предлагает свою систему взглядов на ментальность. Он определяет ментальность как «социально-психологические установки, автоматизмы и привычки сознания, способы видения мира, представления людей, принадлежащих к той или иной социально-культурной общности. В то время как всякого рода теории, доктрины и идеологические конструкции организованы в законченные и продуманные системы, ментальности диффузны, разлиты

в культуре и обыденном сознании. По большей части они не осознаются самими людьми, обладающими этим видением мира, проявляясь в их поведении и высказываниях как бы помимо их намерений и воли. Ментальности выражают не столько индивидуальные установки личности, сколько внеличную сторону общественного сознания, будучи имплицированы в языке и других знаковых системах, в обычаях, традициях и верованиях» [11, с. 75].

Для А.Я. Гуревича нет никакой обособленной истории ментальностей, и поэтому ментальные элементы жизни, по его мнению, необходимо рассматривать в более широком, глобальном контексте социальной истории. Гуревич применил новый культурологический подход к определению понятия «ментальность», в пределах которого исследователь решает одновременно несколько задач: определение термина «ментальность», отличие ментальности от идеологии и теории ценностей, от психологии, сочетание учебного и научно-познавательного начал при рассмотрении различных ментальных идентичностей. Примеры синтеза такого рода задач и воплощения заложенных в них методологических принципов можно увидеть в книгах А.Я. Гуревича «Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства» [12] и «„Эдда“ и сага» [13]. В центре внимания исследователя ментальностей находится образ мира, который заложен культурой в сознание людей данного общества и преобразуется ими спонтанно, по большей части вне контроля их «дневного сознания». «Ментальность — не философские, научные или эстетические системы, а тот уровень общественного сознания, на котором мысль не отчленена от эмоций, от латентных привычек и приемов сознания...» [11, с. 59].

В настоящее время обращение многочисленных исследований социальных историков к ментальным представлениям, ценностям, обычаям, моделям поведения составляет целую научную традицию антропологически сориентированной социально-культурной истории, или исторической антропологии. В этой связи разработка методов реконструкции стереотипов сознания, глубинных оснований человеческого поведения, заложенных в культурных традициях и находящихся отражение как в письменных источниках, так и в предметах материальной культуры, произведениях искусства, является значительным

научно-исследовательским достижением [14]. Без методологии, выработанной школой «Анналов», невозможно понять и применить на практике теорию исследования ментальности, но и она не дает целостной характеристики такого многоаспектного понятия, как менталитет. Феномен ментальности, по нашему мнению, не сводится к своей историко-культурной представленности, его корни находятся гораздо глубже, пролегая на уровне основных структур человеческого бытия. Для полного исследования сущности этого понятия предлагается выход в соединении достижений школы «Анналов» с конкретно-историческими измерениями философской антропологии.

Антропологический подход к исследованию ментальности, присущий определенной эпохе и социокультурному контексту, предполагает исследование социально-культурных представлений людей данного времени, сосредоточивая свое внимание на константах, основных представлениях людей, заложенных в их сознание культурой, языком, религией, воспитанием, социальным общением. В центре анализа при этом находится *исторически конкретный человек* со всеми его особенностями, обусловленными характерной спецификой эпохи, которой он принадлежал. Одни и те же люди принимают участие в социальных отношениях и творят культуру и (или) воспринимают ее, включая свою деятельность в контекст и систему отношений, определяемых социумом и культурой как двумя составляющими человеческой коммуникации. Культура, понимаемая как обнаружение социальной сущности человека, предлагает свой особый способ освоения действительности и видения мира как поля бескорыстного соединения людей на основе принципа «Мы — цель, Я — средство». Тем самым этот способ формирует индивидуальное сознание, глубинную основу ментальности-культуры и воздействует на общественное поведение личности.

Ментальность «вообще», как абстрактная данность антропологического порядка, в каждом конкретном случае предстает перед нами как состояние менталитета применительно к конкретной социальной общности, находящейся на конкретном этапе своего исторического развития. Поэтому можно говорить, например, о ментальности той или иной этнической группы в историческом цикле низменного, но нельзя

говорить о ментальности этого же этноса «вообще», вне времени и контекста, если он характеризует поле цивилизации. При этом парадокс состоит в том, что, сохраняя исследовательскую актуальности лишь в ее конкретной данности, феномен менталитета является одним из важнейших гарантов сохранения социокультурной идентичности своего коллективного субъекта в условиях изменчивого социума. Ментальность, в известном смысле, консервирует человеческую общность, сохраняя ее в качестве стабильной данности и предохраняя ее от изменчивых, секундных, произвольных изменений. Об этом писал еще Никколо Макиавелли, усматривая в данном феномене фактор противодействия произволу властителя: «народ, с которым вынужден ладить правитель, всегда один и тот же. Его нельзя ни изменить, ни заменить по своей воле» [15, 54–55]. На принципе «темпоральной дистанционности», отличия ее от текучих изменений, которым подвержена психика человеческих масс, настаивал и А. Я. Гуревич: «Она отличается от социальной психологии тем, что сосредоточивает свое внимание не на настроениях, конъюнктурных, легко изменчивых состояниях психики, а на константах, основных представлениях людей, заложенных в их сознание культурой, языком, религией, воспитанием, социальным общением» [11, с. 85].

ВЫВОДЫ

При изучении менталитета обнаруживается как правило его отличие от психики как феномена и измерения человеческого существования. Если психика, выступая в качестве объекта исследования, представляет из себя прежде всего постоянно текучую, динамическую процессуальность, ментальность описывает человеческую активность только в виде «среза» определенного, «готового» исторического материала. При отбрасывании своего предметного социокультурного материала сам термин трактуется в своем обыденном словоупотреблении или же становится еще одним обозначением психики, сознания, деятельности.

Исследование взаимоотношений между различными менталитетами, как социокультурным феноменом, возникающим в результате совмещения, носящего гармонический либо эклектический характер, форм социокультурного существования, порожденных различными ментальными идентичностями, является важным для

оздоровления функционирования социума, для анализа трансформаций культурных констант, межкультурных и межэтнических отношений. Оно является необходимым звеном в процессе самосознания социума и культуры, определения путей сохранения их идентичности и развития.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена в Луганском государственном университете имени Владимира Даля в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по результатам конкурсного отбора ЭИСИ (FREE-2024–0006, «Культурные константы и когнитивные изменения в условиях институциональных трансформаций новых регионов России (опыт ЛНР 1990–2024 гг.)»).

ACKNOWLEDGEMENTS

The article was prepared at Vladimir Dahl Luhansk State University as part of a state assignment from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation based on the results of the EISR competitive selection (FREE-2024–0006, “Cultural constants and cognitive changes in the context of institutional transformations in new regions of Russia (the experience of the LPR 1990–2024)”).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вальцев В.С. Является ли понятие «менталитет» синонимом слова «ментальность»? Проблемы современной науки и образования. 2012;33–36.
2. Лосский Н.О. Характер русского народа в 2 кн. Москва: Ключ; 1990. 368 с.
3. Бердяев Н.А. Русская идея. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус; 2019. 320 с.
4. Воронцов В.П. Интеллигенция и культура: избранные сочинения. Москва: Астрель; 2008. 752 с.
5. Шабунова А.А., Леонидова Г.В., Устинова К.А. Теоретико-методологические основы исследования ментальности и обусловленных ею стереотипов поведения. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2018;11(4):90–109. <https://www.elibrary.ru/ymiqft>
6. Баранов С.Д., Конов Д.В. Русская нация. Современный портрет. Москва: Миттель-Пресс; 2009. 536 с.
7. Вундт В. Проблемы психологии народов. Москва: Космос; 2001. 49 с.
8. Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века (В поисках практико-ориентированных образовательных концепций). Москва: Совершенство; 1998. 608 с.
9. Лебон Г. Психология народов и масс. Санкт-Петербург: Издательство Ф. Павленкова; 1898. 329 с.
10. Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». Москва: Индрик; 1993. 327 с.
11. Гуревич А.Я. Проблема ментальностей в современной историографии. *Всеобщая история: дискуссия, новые подходы*. Выпуск 2; 1989:75–89.
12. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. Москва: Искусство; 1990. 396 с.
13. Гуревич А.Я. «Эдда» и сага. Москва: Наука; 1979. 192 с.
14. Гуревич А.Я. Историческая наука и историческая антропология. *Вопросы философии*. 1988;(1):56–70. <https://www.elibrary.ru/qlnkjf>
15. Макиавелли Н. Государь: рассуждения о первой декаде Тита Ливия о военном искусстве. Минск: Попурри; 1998. 672 с.

REFERENCES

1. Val'tsev V.S. Yavlyaetsya li ponyatie “mentalitet” sinonimom slova “mental’nost”? Problemy sovremennoy nauki i obrazovaniya. 2012;33–36. (In Russ.).
2. Losskiy N.O. Kharakter russkogo naroda v 2 kn. Moscow: Klyuch; 1990. 368 p. (In Russ.).
3. Berdyaev N.A. Russkaya ideya. Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus; 2019. 320 p. (In Russ.).
4. Vorontsov V.P. Intelligentsiya i kul'tura: izbrannye sochineniya. Moscow: Astrel'; 2008. 752 p. (In Russ.).
5. Shabunova A.A., Leonidova G.V., Ustinova K.A. Teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovaniya mental'nosti i obuslovlennykh eyu stereotipov povedeniya. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: Fakty, tendentsii, prognoz*. 2018;11(4):90–109. (In Russ.). <https://www.elibrary.ru/ymiqft>
6. Baranov P.D., Konov D.V. Russkaya natsiya. Sovremennyy portret. Moscow: Mittel-Press; 2009. 536 p. (In Russ.).
7. Vundt V. Problemy psikhologii narodov. Moscow: Kosmos; 2001. 49 p. (In Russ.).

8. Gershunskiy B. S. *Filosofiya obrazovaniya dlya XXI veka (V poiskakh praktiko-orientirovannykh obrazovatel'nykh kontseptsiy)*. Moscow: Sovershenstvo; 1998. 608 p. (In Russ.).
9. Lebon G. *Psikhologiya narodov i masp.* Saint Petersburg: Izdatel'stvo F. Pavlennkova; 1898. 329 p. (In Russ.).
10. Gurevich A. Ya. *Istoricheskiy sintez i Shkola "Annalov"*. Moscow: Indrik; 1993. 327 p. (In Russ.).
11. Gurevich A. Ya. Problema mental'nostey v sovremennoy istoriografii. Vseobshchaya istoriya: diskussiya, novye podkhody. Issue 2; 1989:75–89. (In Russ.).
12. Gurevich A. Ya. *Srednevekovyy mir: Kul'tura bezmolstvuyushchego bol'shinstva*. Moscow: Iskusstvo; 1990. 396 p. (In Russ.).
13. Gurevich A. Ya. "Edda" i saga. Moscow: Nauka; 1979. 192 p. (In Russ.).
14. Gurevich A. Ya. Istoricheskaya nauka i istoricheskaya antropologiya. *Voprosy filosofii*. 1988;(1):56–70. (In Russ.). <https://www.elibrary.ru/qlnkjf>
15. Makiavelli N. *Gosudar': rassuzhdeniya o pervoy deкаде Tita Liviya; O voennom iskusstve*. Minsk: Popurri; 1998. 672 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Ольга Александровна Долженко — кандидат философских наук, проректор по стратегическим коммуникациям и молодежной политике, Луганский государственный университет имени Владимира Даля, Луганск, Россия

Olga A. Dolzhenko — Cand. Sci. (Philos.), Vice Rector for Strategic Communications and Youth Policy, Lugansk State University named after Vladimir Dahl, Lugansk, Russia
<https://orcid.org/0009-0003-4940-9296>
doa1471@mail.ru

Николай Михайлович Печенкин — научный сотрудник, Луганский государственный университет имени Владимира Даля, Луганск, Россия; преподаватель, Финансовый университет, Москва, Россия

Nikolay M. Pechenkin — Research fellow, Lugansk State University named after Vladimir Dahl, Lugansk, Russia; Lecturer, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-7846-4847>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:
nick_pechyonkin@mail.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: Authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 23.12.2024; принята к публикации 27.02.2025.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article was received on 23.12.2024; accepted for publication on 27.02.2025.
The authors read and approved the final version of the manuscript.